

стороны, учитывая внелингвистические факторы, могут расцениваться как обозначения духовного пути и духовного делания в воспитании и спасении человеческой души, и это сфера богословского анализа. Русская фразеологическая система в этой связи демонстрирует трансформацию значения лингвоконцепта «Святой» с лингвистической точки зрения путём сужения и конкретизации значения и с точки зрения богословской и лингвокультурной обозначает путь обмирщения, утраты религиозной составляющей в концепте. Тем самым рассмотренные фразеологизмы в сопоставлении с агиографическим контекстуальным употреблением показывают не столько семантическую разницу лексем, сколько разницу в концептуализации слов и понятий, относящихся к разным сферам языкового сознания.

Литература

- Бугаева, И. В. Язык православных верующих в конце XX – начале XXI века: Монография. – М.: Изд-во РГАУ – МСХА имени К. А. Тимирязева, 2008. – 240 с.
- Живов, В. М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов. – М.: «Гнозис», 1994. – 112 с.
- Михельсон, М. И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: В 2 т. URL: <http://slovari.yandex.ru> (дата обращения 26.11.2012)
- Портал «Фразеология». – URL: <http://www.frazeologiya.ru/fraza/svyatoy.htm> (дата обращения 26.11.2012)
- Преподобные старцы Оптинские. Жития и наставления. Изд.2-е, испр. и доп. Свято-Введенская Оптина Пустынь, 2004. – 512 с.
- Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII-XX вв./ Под ред. А. И. Федорова. – М.: Топикал, 1995. – 608 с.
- Фразеологический словарь русского литературного языка. «Академик» – URL: <http://phraseology.academic.ru> (дата обращения 26.11.2012)
- Ювеналий, митрополит Крутицкий и Коломенский. О канонизации святых в Русской Православной Церкви. Доклад на освященном Поместном Соборе Русской Православной Церкви, посвященном 1000-летию Крещения Руси. Троице-Сергиева Лавра 6-9 июня 1988 года // Канонизация святых в XX веке// Комиссия Священного Синода Русской Православной Церкви по канонизации святых. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 1999. – С. 21-73.

Summary. This article talks about the concept “Sacred” and its lexical realization in structure of the hagiographic text. We compare semantics of a concept and semantics of phraseological units to reveal a religious component of value.

Озерова Е. Г.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В СИСТЕМЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ СРЕДСТВ РУССКОГО ЛИРИКОПРОЗАИЧЕСКОГО ТЕКСТА*

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
ozeroval@bsu.edu.ru

Фразеологические единицы в системе интертекстуальных средств русского лирикопрозаического текста имеют сложную систему вербально-визуальных духовных и культурных связей и отношений. Такого рода интертекстуальную систему фразеологических единиц русской лирической прозы можно представить в виде кластерной модели (англ. *cluster* – скопление, группа), её познавательно-исследовательская ценность состоит в том, что она позволяет создавать с помощью выявления и интерпретации прецедентных и индивидуально-авторских концептов когнитивную по сути лингвокультурологическую модель сознания эготопа. Кластерная конфигурация интертекстуальности фразеологических единиц русского лирикопрозаического текста сфокусирована главным образом эготопом и является достоянием «собственно антропологической парадигмы науки о человеке, центром притяжения которой является феномен культуры» (Телия, 1996: 222). Таковыми прецедентными феноменами русской лингвокультуры в лирикопрозаических текстах обычно служат прецедентные именованья религиозных праздников и связанных с

* Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2012-2013 гг. №14.А18.21.0993.

ними персоналий типа **Святая Троица, Великомученица Екатерина, Пророк Илия, Николай-Чудотворец**: Ср.: *Поедем мы с тобою во Мценск – Николе угоднику усердно помолимся; съездим к Николе, чтобы душу свою исцелить* (Н. С. Лесков, «Грабёж»).

Кластерная интертекстуальность фразеологических единиц в лирикопрозаическом тексте представляет собой достаточно рельефную в лингвокультурологическом плане систему, где «различие в закодированности разных частей текста делается выявленным фактором авторского построения и читательского восприятия текста» (Лотман, 2000: 66) и репрезентируется в ценностно-смысловых регистрах религиозно-прецедентной мотивированности. Тексты русской лирической прозы насыщены интертекстуальными фразеологическими связями, отображающими тесную взаимосвязь культуры и текста и формирующими ценностно-смысловое пространство лирикопрозаического дискурса. Ср.:

Как же не возблагодарить Господа за эти светлые минуты: льётся жизнетворная вода, возносится наша молитва, наполняет нас радостной силой, духом светлым. Какое-то счастливое, отрешённое забвение, никогда не испытанное, охватывает меня. Сердце бьётся сильно и часто. Смысл великих слов доходит до меня: «Радостно друг друга обьемем». Радостно! Разгибаюсь и сквозь слёзы гляжу на тех, с кем иду на Великую! Стесняюсь слёз и наклоняюсь к источнику. Боже, как я люблю этих милых, негибаемых старух, дай им, Господи, сил молиться за веру православную, за страну нашу российскую, дай мне, Господь, счастья снова видеть их и идти с ними, снова учиться у них мудрости и терпению.

*Но и на всяком месте, во всякое время, из глубин сердец наших возносится благодарность Господу за то, что дал нам такого заступника и молитвенника. Слава тебе, Господи! Слава тебе, **отче наш Николай!*** (В. Н. Крупин, «Великое на Великой»).

Кластерность интертекстуальных связей фразеологических единиц русской лирической прозы создаётся функционированием религиозного имени в совокупности словесных репрезентантов базовых культурно-православных концептов, как «Житие», «Молитва», «Песнопение» (акафист, кондак, тропарь), «Праздник», «Икона», «Церковь». Кластерная модель интертекстуальности фразеологических единиц лирикопрозаического текста идентифицируется прецедентным именем, образующим ядро кластера и свойственно каждому культурному концепту кластера: **Николай-Чудотворец**.

Для автора и, соответственно, для читателя кластерная модель интертекстуальности фразеологических единиц лирикопрозаического текста является средством интерпретации прецедентных образов. Она представляет собой фреймовую структуру дискурсивного поля, ядром которого выступает прецедентное имя, вокруг которого сконцентрированы соответствующие кластеры. Целью кластерного моделирования интертекстуальности фразеологических единиц лирикопрозаического текста является считывание с соответствующего текста той ценностно-смысловой информации, которая имеет общий компонент (имя собственное или имя конкретного культурно-исторического события) и характеризуется высокой степенью корреляции православных концептов внутри каждого кластера.

Базовый компонент кластерной модели интертекстуальности фразеологических единиц русского лирикопрозаического текста связан с культурным концептом «Житие», повествующим о жизни святого. Такой концепт содержит прецедентную ситуацию, которая, собственно, и порождает «житийный» кластер. Ср.: **Святитель Николай** родился в городе Патаре в Малой Азии и был единственным сыном.

Родители его Феофан и Нонна были из благородного рода и весьма зажиточны, что не мешало им быть благочестивыми христианами, милосердными к бедным и усердными к Богу. С детских лет он преуспевал в чтении Божественного Писания и молитве, став впоследствии священником, а затем – и епископом города Мир Ликийских.

Опыт православного благочестия свидетельствует о том, что и поныне святитель Николай предстательством своим совершает множество чудес в помощь молящимся ему, поэтому он любимейший святой русского народа.

Празднование святителю Николаю совершается 22 мая (в память перенесения его мощей из Мир Ликийских в Бар) и 19 декабря.

Интертекстуальные связи фразеологических единиц русской лирической прозы с житийными текстами объясняются тем, что, по словам патриарха Алексия II (Ридигера), на Руси жития святых всегда были излюбленным чтением, полагались в основу образова-

ния и воспитания:...я вступил ещё в один новый для меня и дивный мир: стал жадно, без конца читать **жития святых** и мучеников... (И. А. Бунин, «Жизнь Арсеньева»).

Второй компонент кластерной модели интертекстуальности фразеологических единиц русского лирикопрозаического текста – **Молитва** – представляет канонический словесный текст. Кластер **Молитва** является тем стимулом, который эксплицирует коммуникативно-прагматические интенции эготопа и порождает интертекстуальное высказывание. Молитва в дискурсе русского лирикопрозаического текста мотивирована речевой активностью адресанта с целью выразить какую-либо просьбу. Рассматривая коммуникативные стратегии и тактики русской речи, О. С. Иссерс приходит к выводу, что «коммуникация – это стратегический процесс, базисом для него является выбор оптимальных речевых ресурсов. Передача сообщений в процессе коммуникации может быть рассмотрена как серия решений говорящего» (Иссерс, 2003: 10). Обращённость в такой коммуникативной ситуации к святому эксплицируется соответствующим прецедентным именем в форме характерного для церковно-славянского языка звательного падежа. Ср.: *О, **всесвятый Николае**, угодниче презрядный Господень, теплый наш заступниче, и везде в скорбех скорый помощниче! Помози мне грешному и унылому в настоящем сем житии, умоли Господа Бога даровати ми оставление всех моих грехов, елико согреших от юности моя...*

Молитва в дискурсе русского лирикопрозаического текста порождает такую форму коммуникации, при которой модальный фон и эмоциональные переживания задаются как однонаправленный процесс адресантом в его вербальной коммуникативной деятельности. Коммуникативный эффект общения эксплицируется через эготоп, стоящий за текстом, отражает модально-эмоциональное состояние, ценностные ориентиры субъекта речевого общения и раскрывает смысловую и ассоциативную деятельность. Ср.: *На Троицу... **молитвы** такие особенные читаются. Чудесные **молитвы**, чувствительные; кажется, всегда бы их слушал* (Н. С. Лесков, «Очарованный странник»).

*...состояние **намоленности**, накопленное за столетия, не исчезло, не растворилось во времени и пространстве, а осталось здесь, окружает эти места, подобно **ангелу-хранителю**, поставленному от Господа при освящении престола в церкви.*

*Сколько **молитв** тут вознесено в это северное небо!* (В. Н. Крупин, «Великое на Великой»).

Третий компонент кластерной модели интертекстуальности русского лирикопрозаического текста – **Акафист** – представляет род хвалебного церковного песнопения. Важной когнитивной информацией является знание о том, что акафист исполняется молящимися стоя. Акафист состоит из одного кондака, который поётся, и из 12 кондаков и икосов (поровну), которые читаются. Таким образом, акафисты состоят из 25 отдельных песнопений – 13 кондаков и 12 икосов. Из них первый кондак и все икосы оканчиваются восклицанием «радуйся»..., а 12 кондаков припевом «аллилуия»: *Предходят сему лицу ангельстии со всяким началом и властью... лице закрывающе и вопиюще песнь **аллилуия**...* (И.А. Бунин, «На чужой стороне»). *Высоким громким голосом она первая заводила **акафист** преподобному **Николаю Чудотворцу**. И тянулся **акафист** над размытыми дорогами, разъезженными колеями, под дождливым небом. И не бывало, и не будет у нас распевней и согласнее хора. И перепойт этот хор любые наши песни и гимны. Шёл этот крестный ход, как ходил уже свыше шести столетий* (В. Н. Крупин, «Великорецкая купель»). Характерной особенностью кластерной модели интертекстуальности фразеологических единиц русского лирикопрозаического текста является стремление к расширению номинативной цепочки кластера: **Кондак** – краткая песнь в похвалу святого или праздника → **Икос** – церковное песнопение, содержащее прославление святого или празднуемого события. Для понимания места и роли этих кластеров важно подчеркнуть, что икос и кондак сходны по содержанию и одинаковы по изложению. Разница между ними состоит не только в том, что кондак короче, а икос пространнее. В дискурсе лирикопрозаического текста кондак задает тему, а икос служит её развитию (см.: Полный церковно-славянский словарь, 2005). Ср.: *И когда после «великого славословия», после ектеньи, **запоют кондак Успению**, одного хочется: дожждаться б, когда и на будущий год за всемогущей запоют Успению ...*(А. М. Ремизов, «Взвихренная Русь»).

Чередование музыкального и прозаического восприятия фразеологических единиц позволяет сформировать архитектуру повествования и обогатить лирикопрозаические тексты коннотативными регистрами.

Четвёртый компонент кластерной модели интертекстуальности русского лирико-прозаического текста – **Тропарь** – содержит церковную песнь в честь какого-нибудь праздника или святого. *Наши паломники на Святой земле почти единственные, кто одухотворяет её. <...> Но наши паломники, мы были в Галилее на Светлой седмице, всюду воспевали пасхальные молитвы. Мало того, одна из наших монахинь, матушка Иоанна, знающая, кажется, все языки планеты, пела пасхальный тропарь и на английском, и на французском (В. Н. Крупин, «Незакатный свет»).*

По типу речевого воздействия лирикопрозаического повествования тропарь содержит мажорную модальность, отражая положительные эмоции и оптимистический настрой. Ср.: *Сидя на нижней ступеньке лестницы, строгал он какую-то палочку и вполголоса напевал тропарь наступавшему празднику Казанской Богородицы (П. И. Мельников-Печерский, «На горах»).*

Пятый компонент кластерной модели интертекстуальности русского лирикопрозаического текста – **Икона** – содержит живописное изображение Бога и святых. *И всё-таки!.. Всё-таки Господь милостив: всё успеваешь – и приложиться к святым иконам, и образочки купить, и маслицем помазаться. И, выйдя из храма, отойти подальше и лечь на сухую, горячую, благоухающую цветами и травами землю. И вот эти мгновения переключают все огорчения и невзгоды (В. Н. Крупин, «Незакатный свет»).* Являясь предметом особого почитания у христиан, этот компонент кластерной модели интертекстуальности фразеологических единиц позволяет автору соотносить «не некоторый фрагмент живописного произведения с соответствующим объектом реальности, но целый мир изображения с реальным миром» (Успенский, 1995: 252). В дискурсе лирикопрозаического текста культурный концепт «Икона», помимо когнитивной информации, выполняет и родовую функцию, так как иконой в семейной традиции благословляли русского человека перед главными событиями в жизни. 1) *Дети здесь... благослови их... Образ коснулся моей головы, и так остался... (И. С. Шмелёв, «Лето Господне»).* 2) *Он не забыл её и после смерти – молился о ней и всегда свято хранил оставленный ему покойницею в благословение образ Николы, с которым не расставался по вере, что эта икона полна для него благодатных токов материнского благословения (Н. С. Лесков, «Захудалый род»).* 3) *Слава на это село упала с небес. Здесь, на высоком берегу Великой, явилась чудотворная икона святителя Николая. Она приносила исцеления от болезней: слепые прозревали, разбитые параличом вставали на ноги, бесплодные рожали... Быстро понеслась молва об иконе по всей Русской земле (В. Н. Крупин, «Великое на Великой»).* 4) *И все, старики и старухи, сколько их было, с пенем «Символа Веры» двинулись вброд и вплавь через реку Великую. Пошли, чтобы поклониться месту величайшего чуда – обретения иконы Святителя Николая, любимого русского святого. (В. Н. Крупин, «Великорецкая купель»).*

Шестой компонент кластерной модели интертекстуальности фразеологических единиц русского лирикопрозаического текста – **Церковь**. *Когда мы стоим на Красной площади в Москве и смотрим с радостью и замиранием сердца на собор Василия Блаженного, то вспоминаем, что среди его церквей есть церковь, освящённая именно во славу пресвятителя Николая (В. Н. Крупин, «Великое на Великой»).*

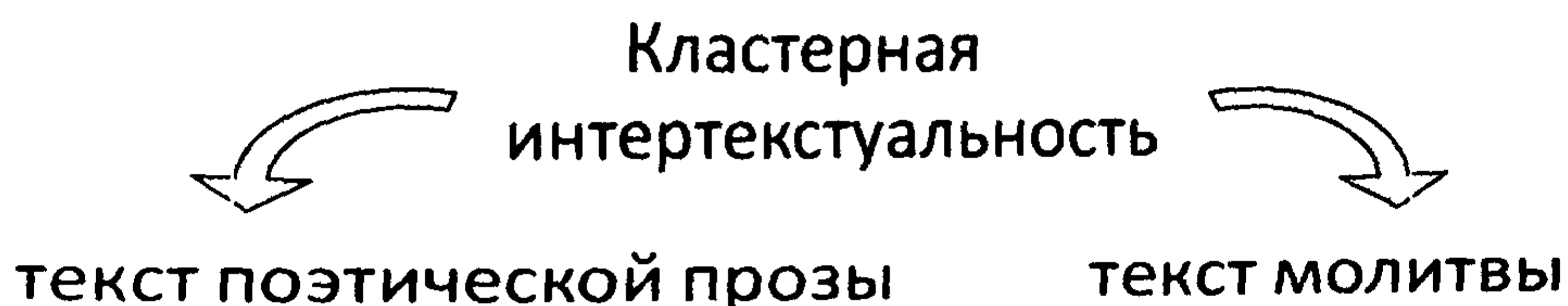
В лирикопрозаических текстах зафиксировано около 3 000 номинаций фразеологических единиц этого кластера, связанных с прецедентным именем Николая. Это прежде всего (а) канонические номинации – Николая-Чудотворца, Во имя святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских, чудотворца; (б) обиходные номинации – Никольская, Николы, Николаевская, Николы Угодника, Свято-Никольская: ... церкви **Николы** на Берсеневке, триста годов ей (И. С. Шмелёв, «Лето Господне»).

1. *Ему отзывались другие колокольни: сипло, точно простуженный архиерейский бас, вякал надтреснутый колокол у Никиты Мученика; глухим, коротким, беззвучным рыданием отвечали с Николы на Выселках, а в женском монастыре за речкой знаменитый «серебряный» колокол стонал и плакался высокой, чистой, певучей нотой (И. А. Куприн, «Мирное житие»).* 2. *У Спаса бьют, у Николы звонят, у старого Егорья часы говорят (Н. С. Лесков, «Зимний день»).*

Седьмой компонент кластерной модели интертекстуальности русского лирикопрозаического текста – **Праздник** – в религиозном обиходе обозначающий день (или несколько дней подряд) памяти какого-нибудь религиозного события или святого: *Не успеешь и оглянуться – Николин День, только бы укатать снежком, под морозы залить*

поспеть (И. С. Шмелёв, «Лето Господне»). В деревне у него на **Николу** престольный праздник... Система восприятия этого культурного концепта содержит когнитивную информацию, раскрывающуюся в синтетической (от части к целому) перспективе, так как концепт-интегратив «Праздник» косвенно указывает на такие концепты, как «Житие», «Молитва», «Канон», «Песнопение», «Икона». Кластерная модель интертекстуальности фразеологических единиц русского лирикопрозаического текста характеризуется, таким образом, интегративным восприятием религиозно-культурных концептов, способствующих читательскому когнитивно-коннотативному декодированию соответствующего кластера. Функционирование кластерной интертекстуальности фразеологических единиц создаёт жанровую уникальность русских лирикопрозаических произведений, которая показывает интегративную сущность русской лингвокультуры и этостопа через индивидуально-авторскую конфигурацию языковых единиц, обуславливающих коннотацию смыслового восприятия лирикопрозаического текста. Кластерная интертекстуальность фразеологических единиц русского лирикопрозаического текста создаёт особую религиозно-синергетическую архитектуру лирикопоэтического повествования, в которой стираются грани между поэтическими и прозаическими средствами словесной живописи.

Следовательно, особенность словесно-художественного наполнения кластерной модели интертекстуального пространства фразеологических единиц лирикопрозаического текста заключается в создании такой дискурсивной ситуации, где «сложный комплекс внешних условий общения и внутренних состояний общающихся, представленных в речевом поведении – высказывании, дискурсе» (Формановская, 2000: 42), репрезентирует когнитивное и коммуникативно-прагматическое единство автора и читателя через призму религиозной мотивированности. Кластерная интертекстуальность в лирикопрозаических текстах имеет, таким образом, коннотативную природу и эксплицируется в прецедентной религиозной коммуникации.

Как видим, когнитивно-герменевтический анализ лирикопрозаического дискурса позволяет раскрыть культурно-религиозный смысл нарратива. Доминирующую роль при этом играет когнитивно-дискурсивная интерпретация, поскольку является параллельно с интертекстуальностью функционирующей категорией лирикопрозаического дискурса. В частности, такой подход выявляет способы приращения ценностно-смысловой информации. Он становится фактом понимания кластерной модели интертекстуальности фразеологических единиц русского лирикопрозаического текста, поскольку такая интерпретация текстов лирической прозы является ещё и средством декодирования читателем когнитивных и коммуникативно-прагматических интенций автора.

Модель кластерной интертекстуальности фразеологических единиц русского лирикопрозаического текста является открытой когнитивно-дискурсивной структурой, которая посредством приращения прецедентной цепочки тяготеет к расширению кластерной номинации: *Не заметил он, как чрез **Никольские ворота** вступили они в Кремль...* (Н. С. Лесков, «Некуда»).

Таким образом, экстралингвистическая и когнитивная информация кластерной интертекстуальности фразеологических единиц создаёт религиозно-культурное пространство текстов русской лирической прозы и является системным когнитивно-коннотативным феноменом, поскольку она:

- 1) мотивирована прецедентностью религиозного сознания;
- 2) репрезентируется культовым прецедентным именем;
- 3) эксплицирует жанровую уникальность русских лирикопрозаических текстов;
- 4) функционирует параллельно с категорией когнитивно-герменевтической интерпретации;
- 5) может быть декодирована путём актуализации в сознании автора и читателя тех лингвокультурных стереотипов, из которых формируется концептосфера соответствующего лирикопрозаического произведения.

Литература

- Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 288 с.
- Полный церковно-славянский словарь: 30000 слов / Сост. свящ. магистр Г. Дьяченко. – М.: «Отчий дом», 2005. – 1120 с.
- Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996. – 288 с.
- Успенский, Б. А. Семиотика иконы // Семиотика искусства. – М.: Языки русской культуры, 1995. – С. 252
- Формановская, Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. – М.: Русский язык, 2000. – 216 с.

Summary. The article considers clustered intertextuality of the Russian poetic prose which is a system cognitive connotative phenomenon due to the several facts: it is motivated by Christian names. The nucleus of clustered intertextuality is religious name, which works in parallel with language cultural religious concepts. It is also interrelated with cognitive precedent phenomena. The meaning of cultural religious narration in poetic prose is explicated through cognitive-hermeneutic analysis.

Осадчая М. Н.

ДИСКУРСИВНО ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ НОМИНАЦИЙ В РЕФЛЕКСИВНЫХ КОНТЕКСТАХ (на материале творчества О. Мандельштама)

Россия, г. Старый Оскол, Центральная библиотека им. А. С. Пушкина
o_miroslava@bk.ru

Индивидуальность авторской картины мира, воплощённой в лирических текстах, позволяет выявить специфику реализации внутренней формы фразеологических единиц (ФЕ) в пространстве художественного дискурса. Особо продуктивны для подобного анализа контексты, в которых в основе референции лежит авторская рефлексия. Под рефлексией понимается не только «мыслительный (рациональный) процесс, направленный на анализ, понимание, осознание себя» (БПС, 2009: 569), но и дискурсивное «отражение ситуации самоисследования» (Фрумкина, 2007: 10). Исследование художественного текста как средства образного осмысления поэтом своего места в мире показывает, что специфика дискурсивных «приращений» в значениях использованных лексических единиц и заключается «в той особой их субъективности, которая выражается в приобретаемой ими пристрастности» (Леонтьев, 2000: 103). Фразеологизмы репрезентируют коннотативные аспекты дискурсивного содержания, следовательно, объектом фразеологической номинации выступает значимый для авторской самооценки фрагмент реальности.

Лежащее в основе фразеологического значения типовое представление «присваивается конкретным носителем языка, употребляющим фразеологизм в речи и, преломляясь через систему его ценностей, через его мировоззрение, приобретает тот или иной личностный смысл» (Ковшова, 2012: 81). Соответственно, фразеологические тексты привносят в тексты лирические оценочность, опосредованную русской лингвокультурой.

Одной из ведущих семантических характеристик фразеологического текста является типизированная оценочность, авторские же модификации денотативной структуры фразеологического значения как основы выраженной коннотации раскрывают тот элемент денотативной ситуации, который актуален для реализации авторского замысла. Так в ранней поэзии внимание Мандельштама сфокусировано на мотивах одиночества. Интересна фразеологическая основа номинации собственного одиночества в стихотворении 1911 года: «Лёгкий **крест** одиноких прогулок / Я покорно опять **понесу**» (I: 66). Расширение компонентного состава фразеологизма *нести крест* определением *лёгкий* уточняет представления двадцатилетнего поэта о своём одиночестве как испытании не столь тяжком. К.Н. Дубровиной отмечено, что в библейском тексте оборот *нести крест* имеет прямое значение, поэтому она относит выражение к «постбиблейским фразеологизмам», которые «приобретают метафорическое значение за пределами Библии» (Дубровина, 2012: 44-45). Тогда уже первичный денотат ФЕ включает компонент *крест* в символическом значении, а в авторском переосмыслении фразеологизма смысл 'страдание' вытесняется